

«ВОЕННЫЕ»

Семен Иванович Мазюк, в прошлом один из жителей села Белостока Кривошеинского района, военным никогда не был: к началу первой империалистической войны ему всего семь лет исполнилось, а до Великой Отечественной дожить было не суждено...

И все же отношение к военным, пусть даже и косвенное, он имел - работал помощником бухгалтера военстроя Сибирского военного округа, проживал с женой в одном из барачков Томского военного городка. Там его и арестовали 13 июня 1938 года.

Как свидетельствуют документы его архивно-следственного дела, арестован он был как один из участников якобы действовавшей и ликвидированной в Томске шпионско-диверсионной группы, состоящей из поляков, работавших в воинских частях и предприятиях города. Кроме С.И. Мазюка и чернорабочего военстроя Сиб.ВО Егора Зарецкого в указанной группе «состояли» люди действительно военные и известные в своих кругах.

Это – Даниил Емельянович Потребо, 1895 года рождения, майор Красной армии, член ВКП (б) с 1920 года, преподаватель томских курсов усовершенствования комсостава РККА.

Второй- Иосиф Станиславович Добржанский, 1904 года рождения, капитан Красной армии, член ВКП(б), военный преподаватель Томского артучилища.

Третий - Павел Петрович Лукашук, 1894 года рождения, до 1934 года - начальник подразделения войск ОГПУ по охране томской железной дороги, но 27 февраля 1934 года контрольной партийной комиссией исключенный из партии "за развал воинской дисциплины личного состава и скрытие пребывания своей добровольной службы в колчаковской милиции". Из-за этого, естественно, уволенный с военной службы. Перед арестом работал комендантом учетно-кредитного техникума.

И если у Лукашука и было "темное прошлое", за которое легко уцепились органы НКВД, то в биографиях Потребо и Добржанского, казалось, ничто не могло угрожать их будущему. Так, Добржанский родился в крестьянской семье под Минском, после окончания педагогического техникума работал учителем, в конце двадцатых годов поступил в Московскую академию им. Крупской. После ее окончания был направлен в распоряжение Ленинградского военного округа, а уж затем из Ленинграда направлен в Томское артиллерийское училище на должность преподавателя истории СССР.

Как видно из документов, и в артучилище Добржанский был не на последнем месте. В характеристике, выданной ему за полгода до ареста начальником училища полковником Пантюхиным и батальонным комиссаром Лебедевым было перечислено много хороших деловых и политических качеств Добржанского. В частности, сказано, что член ВКП (б) с 1927 года Добржанский "идеологически устойчив, политически развит и подготовлен, в партийной работе активный, состоит членом партийного бюро училища и членом парткомиссии, (...) иногда в работе проявляет излишнюю горячность... но как член партии и как преподаватель никаких сомнений не вызывает".

Подобные положительные характеристики, вплоть до 1937-го года, были и в послужном списке Даниила Емельяновича Потребо. Оставшись в восемь лет без родителей, он в своей же деревне был отдан "на прокормление": весной и летом пас скот, а зимой учился. В 1909 году уехал в столицу и поступил в портновскую мастерскую в качестве посыльного, где и проработал до начала войны. В 1915 году был призван на военную службу, воевал, в годы Февральской революции выбирался в батарейный комитет. В Красную Армию вступил в 1918 году, закончил артиллерийские курсы, и, получив звание красного командира, участвовал в боях против деникинцев, подавлял восстание в Армавирском районе, в августе 1921-го года принимал участие в военных действиях против врангелевцев. С 1932-го по 1937-й год Потребо служил в 78-м томском арtpолку в должностях от начальника штаба до командира полка.

Революционно-чекистской была также и биография его братьев, о которых

он написал в 1936-м году в своей автобиографии следующее:

"...нас всех братьев было пять человек. В настоящее время за границей в Польше должны проживать три брата: Михаил, Григорий и Степан. До 28-го года я совершенно не знал, живы ли они. Но в 28-м году от двоюродного брата в Ленинграде узнал, что старший брат Михаил во время Октябрьского переворота командовал ротой и охранял Смольный, а когда разрешили - уехал на родину. Младший брат Степан участвовал в процессе Белорусской команды и был осужден, а его имущество сожжено поляками. Брат Иван был председателем ЧК в г. Орджоникидзе, но за дискредитацию ГПУ (убил у себя в кабинете во время допроса князя) был приговорен к расстрелу. Расстрел отложили и послали учиться в Московский институт им. Плеханова. После окончания института он работал в Колхозцентре. В институте во время партийной дискуссии как будто стоял за Троцкого, но после разъяснения ЦК от оппозиции отпал. Из Москвы уехал по мобилизации в Туркестан, и точного места пребывания его сейчас не знаю..."

Эти-то строки из биографии о братьях в Польше и брате-троцкисте и стали кончиком той нити, за которую ухватился вездесущий НКВД. Однако, прежде всего, ухватилось своё родное партийное бюро, решением которого от 28 ноября 1937 года Даниил Потребо был исключен из рядов партии за «скрытие связи с братом – троцкистом и связей с братьями в Польше и как не вызывающий политического доверия...».

Вслед за решением дивизионного партийного бюро в июне 1938 года последовал приказ командира 73 стрелковой дивизии комбрига Селезнёва об увольнении его из РККА. По логике, вслед за увольнением следовало ждать ареста, и он не заставил себя ждать.

Арестован Потребо был 13 июля 1938-го года сотрудником горотдела НКВД Щербининым. Кстати, этот сержант госбезопасности арестовывал и других "однодельцев" Потребо, допрашивал и составлял обвинительное заключение. В результате «дознавательской» работы сержанта Щербинина и его начальника Горбенко в отношении Потребо и других появилось обвинительное заключение, в котором, в частности, говорилось следующее:

"...названная группа являлась одной из резидентур разветвленной сети польской разведки на территории Западной Сибири, которая ставила перед собой задачу активной диверсии, шпионажа и подрыва мощи Красной Армии в тылу страны в момент войны фашистских государств против СССР. (...) Руководителем шпионско-диверсионной группы, существующей в воинских частях, являлся польский разведчик Даниил Емельянович Потребо. Он в 27-м году был завербован польской разведкой и по ее указаниям проводил на территории СССР контрреволюционную и шпионско-диверсионную работу против Советской власти». Далее указывалось, что в 31-м году Потребо якобы по заданию польского агента Стриде переехал в Томск и «увязался с польским разведчиком Добржанским, с которым создал националистическую группу, куда вовлекли командира запаса, в последнее время работавшего в техникуме, Лукашука Павла Петровича, преподавателя томских курсов усовершенствования комсостава запаса В.Н. Рачковского и С.И. Груздева, офицера царской армии, исключенного из рядов ВКП (б)... Добржанский И.С., завербованный в 1932 г. в Москве польским разведчиком Адамовичем Э.И., по заданию которого и его содействию в 1933 году вступил в ряды Красной армии и в этом же году переехал в Томск, где работал в качестве военного преподавателя Томского артиллерийского училища (ТАУ). Работая в училище, в 1937 году увязался с агентом польской разведки Потребо и совместно с последним создал в ТАУ шпионско-националистическую группу, в которую завербовал преподавателя Томского артучилища Гурьева К.М. и зав. шорной мастерской Рудько В.М. в 35-м году передал шпионские сведения о применении новейших видов вооружения РККА, о политических настроениях и экономическом положении курсантов, пропускной способности артучилища; во время проведения занятий с курсантами протаскивал контрреволюционные троцкистские идеи и высказывания, а также допускал пораженческие взгляды при проработке истории ВКП(б),

срывал политмассовую работу в школе и не реагировал на факты морального разложения и антисоветского проявления отдельных коммунистов и комсомольцев...»,

По версии следствия, Лукашук П.П. был завербован в агентуру польской разведки Потребо и по заданию которого обработал и вовлек в агентуру польской разведки Мазюка С.И., Зарецкого Е.О. и Савич А.Л. Лично сам и через вовлеченных в 37 и 38 годах собирал шпионские материалы о военном строительстве и плане, намеченном на 1939-й год строительстве в томском гарнизоне, о политических настроениях и экономическом положении рабочих, работающих в военстрое...

Мазюк С.И., работая в военстрое, постоянно занимался подрывной вредительской деятельностью, запутывал отчетность бухгалтерии, тем самым давал возможность расхищать строительные материалы, вел контрреволюционную фашистскую националистическую агитацию среди проживающих поляков в г. Томске, среди которых возбуждал эмиграционное настроение, злобу и ненависть по отношению к партии и правительству... Зарецкий Е.О. вел антисоветскую националистическую агитацию и восхвалял преимущества жизни рабочих фашистской Польши против СССР..."

25 октября 1938 года Потребо, Добржанский, Лукашук и Мазюк в соответствии с постановлением "тройки" УНКВД по Новосибирской области от 19 октября 1938 года были расстреляны. Зарецкий осужден на 10 лет исправительно - трудовых лагерей, и дальнейшая судьба его теряется в этих местах "спецперевоспитания".

До сведения родных, согласно заведенному правилу, настоящее решение "тройки" доведено не было: все, мол, получили традиционные десять лет без права переписки. Как написала в своих воспоминаниях дочь Лукашука Ника Павловна, после ареста отца её мать пыталась носить передачи мужу в здание НКВД, что по проспекту Ленина, но их у нее не брали, говоря, что он ни в чем не нуждается... Написала она и о том, что ее мать очень боялась, что арестуют и ее, в этом случае восьмилетняя дочь осталась бы одна, поэтому делать запросы относительно судьбы мужа долго не решалась...

В апреле 1940 года жена Добржанского подала жалобу на имя прокурора СибВО с просьбой о пересмотре дела мужа. Рассматривающий жалобу помощник военного прокурора Янушевский в просьбе отказал за "необоснованностью" жалобы. В 1957 году в "органы" написал сын Добржанского, а затем и 105-летний отец расстрелянного. Рассмотреть их заявления, а так же материалы архивно-следственных дел на Добржанского и других его однодельцев было поручено следователю УКГБ по Томской области А.И. Спраговскому. В результате проведенной следователем А.И. Спраговским работы было установлено, что Д.И. Потребо и другие "однодельцы" осуждены необоснованно и определением военного трибунала Сибирского военного округа от 24 октября 1958 г. реабилитированы.

В 1989 году при личной встрече Анатолий Иванович Спраговский обстоятельства своей работы по реабилитации конкретно моего земляка С.И. Мазюка и других вышеупомянутых поляков за давностью лет вспомнить не смог, отметив, что приходилось пересматривать дела на многих поляков, необоснованно осужденных в 30-е годы.

Он рассказал, что в ходе проверки архивно-следственных дел было установлено, что в отношении поляков репрессии проводились, как правило, следующим образом: по территориальному и ведомственному признаку были составлены списки поляков-мужчин от 17 лет и старше. Однако в эти черные списки попадали и женщины. Затем по составленным заранее работниками НКВД и кадровыми службами предприятий и учреждений спискам были проведены аресты ничего не подозревающих людей. У всех арестованных независимо от общественного положения, партийной принадлежности или же полной аполитичности было стандартное обвинение - участие в контрреволюционной "Польской организации войсковой", шпионаж, террор... А вот так называемая «практическая деятельность» измышлялась и вменялась в вину в зависимости от того, какое положение человек занимал в обществе до момента ареста. И так по каждому делу, как одиночному, так и групповому.

Семен Мазюк никогда военным не был, но по воле НКВД стал "военным шпионом", в чьи обязанности входило запутывание бухгалтерской отчётности в строительном подразделении Сиб ВО и затягивание выдачи зарплаты рабочим. Интересно, что было бы написано в обвинительном заключении на него, работай он перед арестом в другой организации и на другой работе? Не сомневаюсь, что что-нибудь соответствующее обязательно было бы написано. Формальности были бы соблюдены.